

I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ГОСУДАРСТВО

Юрий Гранин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: «ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ» И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

На протяжении последних десятилетий проблема глобализации и ее последствий остается одной из самых дискуссионных. Казалось бы, формирование международных рынков, свободное движение капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы в некую глобальную целостность — планетарную цивилизацию. Но пока глобализация не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для многих стран оборачиваются значительными потерями.

Набирающий силу процесс глобализации, с одной стороны, создает проблемы для дальнейшего существования национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой — стимулирует рост их активности, вызывая защитную реакцию противодействия. В этой связи гиперглобалисты говорят о грядущем постнациональном государстве, сетевом обществе, глобальной империи или глобальной демократии. Антиглобалисты же заявляют, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс и предрекают всплески активности национальных государств по самым разным направлениям.

В этом споре, изрядно приправленном политической риторикой, последнюю точку поставит будущее. В данной статье я попытаюсь показать, что основными субъектами современной глобализации, как и прежде, остаются национальные государства, вырабатывающие собственные формы глобальных стратегий

на иной, — незападной, цивилизационной основе. На теоретическом уровне решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единого взгляда на природу, форму, характер и направления эволюции процесса глобализации.

Парадоксы современных трактовок глобализации

Прежде всего подобные парадоксы объективно определены многоаспектностью и историзмом исследуемого феномена, а также отсутствием систематических междисциплинарных исследований, преодолевающих естественную ограниченность изучения глобализации в пределах одной научной дисциплины. Неслучайно сейчас теоретический образ глобализации как исторического феномена размыт и растащен по разным дисциплинарным «квартирам».

Экономисты фокусируют внимание на образовании глобальных рынков, наднациональных финансовых и экономических институтов, свободном движении капиталов и рабочей силы. Социологи традиционно связывают возникновение глобализации с появлением и развитием капитализма и имманентными ему процессами модернизации. Политологи, акцентируя внимание на возникновении над- и межгосударственных политических образований, интерпретируют глобализацию как процесс качественного изменения характера международных отношений, мировой политики, субъектами которых наряду с национальными государствами становятся интергосударственные образования — ООН, ВТО, союзы государств (например, ЕЭС и СНГ), политические и военно-политические блоки (НАТО).

Существуют и более широкие подходы, своеобразие которых объективно обусловлено, с одной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира, а с другой — конкурентоспособностью различных традиционных концептуализаций истории человечества. Так, используя идеи универсального эволюционизма и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной научной картины мира, глобализацию истолковывают, например, как объективную эволюцию геобиосоциосистемы¹.

Или как целевую функцию нелинейного процесса самоорганизации социальной системы в суперсложный организм — мегасоциум, который, будучи представлен локальными социальными организмами (социумами), имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания². В этой новой парадигме глобализация интерпретируется как этап универсальной или глобальной истории, имеющей циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется в большинстве крупных работ, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте универсальной истории пока немного, и они неудачны. Причина кроется в метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, а также в неясности эпистемологического статуса как самой синергетики³, так и концепции универсального эволюционизма. Эту концепцию считают «метафорой для обозначения традиционной философской проблемы и исследовательским проектом постнеоклассической науки, философские и научные основания которого еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются»⁴.

Поэтому большинство исследователей предпочитает работать в пределах традиционных — линейных и нелинейных — социологических толкований истории человечества, где глобализация понимается либо как одна из нескольких противостоящих друг другу тенденций истории, либо как одна результирующая тенденция исторического развития.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как локализация, национализация и регионализация, ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий... порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти»⁵. Во втором случае тот же самый процесс изменения пространственно-временных характеристик и порядка экономических, политических, культурных и иных

взаимодействий между народами и государствами интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности)*.

На роль главных детерминантов процесса глобализации исследователи выбирают:

– развитие науки и техники – техносферы (техницистский подход);

– развитие экономической миросистемы (миросистемный подход);

– распространение мировых и локальных культур и цивилизаций (социокультурный подход);

– модернизацию обществ по линиям «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе западной модели развития. Экспансия этой модели разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно осваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации. Ее первый этап обычно относят к «долгому XVI в.» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами. Второй – к XIX столетию, веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в., эпохе научно-технической революции и международных организаций.

Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции или Осевому времени. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически волновой «никогда не завершающийся-

---

* В данном случае используются иные, этимологически восходящие к французскому *global* значения термина: «всеобщий», «всемирный».

ся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций»⁶.

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространённых трактовок и периодизаций глобализации. Большинство из них интерпретируют ее как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходя из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. В то же время трактовки и периодизации будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как мегатенденцию к объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность. Последняя реализуется одновременно по всем указанным разделительным линиям и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь избегать абсолютизации и объективизма, лучшим лекарством от которых была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *homo sapiens* не как поле действия неких безличных сил или систем, реализующихся вне совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается сопричастным ему Сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется до одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, меняющий от эпохи к эпохе содержание и формы.

Феномен глобализации

Точка зрения социальной философии, как и философии истории, определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого исторические события изучаются в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. Бытие объективно и непреложно, но оно не дано нам помимо наших собственных, в том числе интеллектуальных, усилий. Впервые этот парадокс сформулировал Рене Декарт в своем знаменитом высказывании «*cogito ergo sum*», смысл которого в том, что мышление каким-то глубинным образом сопричастствует Бытию и в той или иной мере удостоверяет его для нас.

Впоследствии эта интуиция получила определение «диалектическое единство онтологии и гносеологии». А в XVIII–XIX столетиях усилиями И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля и К. Маркса была глубоко проработана мысль об истории как деятельностном историческом единстве Бытия и Сознания, в котором Сознание, будучи теснейшим образом связано с питающей его социокультурной средой, активно участвует в качественных изменениях исторического процесса. При этом сам исторический процесс понимался как социально и культурно оформленная совместная (предметно-практическая и духовная) деятельность сплоченных в группы людей.

В контексте нашей темы это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных субъектов истории, подвергающихся разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам история – это не только история внешних взаимодействий и отношений (в том числе господства и подчинения) между народами, государствами и цивилизациями, но и внутренняя история возникновения, развития и исчезновения этих народов и цивилизаций. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированы, они существуют как независимые истории. Но в пределах метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны, как невозможно внесоциальное существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, глобализация может рассматриваться как мегатенденция к объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных, то есть культурно и политически связанных, целостностей. Таким образом, глобализация – это не только распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов, но и сопутствующая и детерминирующая этот процесс организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального

пространства совместной жизни интегрированных в социумы (роды, племена, этносы, нации) индивидов. Соответственно, источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировала их распространение за пределы регионов и континентов. Это распространение, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, сопровождалось установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Подобное понимание глобализации — предельно общая, но совсем не пустая абстракция, использование которой в дисциплинарных исследованиях способно нейтрализовать представление о бессубъектности этого явления и хотя бы отчасти устранить почти повсеместное сведение глобализации к экономической, политической или любой другой составляющей исторического процесса.

Глобализация как мегатенденция истории человечества, способом осуществления которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность индивидов, интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности, реализуется во всем спектре отношений между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокупность процессов экономической (торговой, финансовой, производственной и др.), политической (военной и дипломатической) и/или культурной (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшейся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и в разные исторические эпохи. Важно не забывать о взаимосвязи, пространственно-временной динамике и незавершенности этих процессов. Надо также учитывать, что в длительной исторической ретроспективе глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм. Источником этих форм обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств

и цивилизаций. А содержанием — исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей: изменение географического масштаба и инфраструктуры их взаимодействий. Последнее выразалось и выражается в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных сетей и коммуникаций. В итоге — и это также элемент содержания глобализации — происходило формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни.

Можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и преемственностью Бытия и Сознания образующих ее антропологических целостностей. Рассмотрим основные этапы этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на социальных и политических компонентах.

Смещения центров мирового развития в процессе глобализации

В зависимости от исходных трактовок могут быть построены самые разные исторические периодизации и соответствующие им исторические формы глобализации. Ее началом можно считать глубокое прошлое — времена распространения по Земле биологического вида *homo sapiens*. Начиная с неолитической революции, вся известная нам история вида *homo sapiens* — это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство — территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы. Удержать их на долгий период времени победители могли, лишь организовав общее экономическое и политическое пространство совместной жизни для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных норм общежития. Так возникали ранние государства и их аналоги, а позже — этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах

которых сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной бюрократии осуществлялись ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно гомогенные социальные целостности. Так появлялись территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в общества (племена, союзы племён, этносы и нации) группы людей, эмоционально, символически и концептуально идентифицирующие себя как единое целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение носило характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни.

В чем, например, всемирно-историческое значение образования империи Александра Македонского и великой Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великой грекоримской культуры на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех этносов и народов государственную надэтническую идеологию и единые законы совместного проживания. Точно также и великое Московское царство, колонизируя в XV — XVIII столетиях земли за Волгой и за Уралом, выполняло, по сути, ту же цивилизаторскую миссию, реализовывало римскую идею «единого пространства» и единых «прав гражданина (подданного)» в Евразии. В данном случае неважно, чей юридический кодекс — римский или московский — был лучше. Важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в «граждан» или «подданных» одного государства создавало возможность для сосуществования и взаимообогащения различных культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса. То же самое можно сказать и о колонизации Америки, Азии и Африки

европейскими национальными государствами (демократическими империями) в XVII–XIX столетиях.

Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми аккультурациями, символическим насилием, вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного населения покоренных территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус мировых ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрение, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным. Идея человечества и его антропобиологического единства становилась субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность — философски и политически фундированным проектом, получившим, спустя тысячелетия после учений основоположников мировоззрения космополитизма киников, монархической панэллинской доктрине Исократы, Ксенофонта и Аристотеля, артикулированное воплощение в концепциях И. Канта и К. Маркса.

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием интеграции внутри больших и малых культурно разных социумов и между ними. Конкуренция, возникавшая между ними, неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущих за собой очередную реконфигурацию международного пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами.

По сути дела социально-политическая история глобализации — это история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй.

Этот процесс связал человечество не только силой государственных форм территориального контроля. Были также созданы новые «анонимные» системы власти — транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории — противоречивый процесс, связанный с чередующимися попытками объединения народов (имеющих свою временную протяженность и географический масштаб) на тех или иных территориях планеты.

В контексте нашего исследования последнее обстоятельство имеет принципиальное значение: оно подчеркивает ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из них. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующим ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к возникновению капиталистической миросистемы и последующей вестернизации мира.

Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, — единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и в обозримом будущем. Но это не так, поскольку «центр» и «периферия» постоянно менялись местами, а история человечества даже в Евразии никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития.

История — не линейный процесс, а результат взаимодействия и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития — людей, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно, и глобализация как одна из тенденций истории была и остается результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных цивилизационных моделей развития. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических

регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев становилась империя. Именно империи были мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, сменяя друг друга в качестве лидеров, на просторах Евразии формировались и развивались китайская, индийская, эллино-македонская, римская, арабо-мусульманская, западноевропейская и евроатлантическая формы глобализации.

По справедливому замечанию А.Г. Франка, «перемещение центра мира — колебательный процесс, отмеченный сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»⁷. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования А. Янга, Э. Левинаса, Э.Д. Саида и др. ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что, начиная с XII в. н.э. и вплоть до середины XVIII столетия, центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XV в.) была Азия.

Крупнейшие азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, культурным и политическим влиянием⁸. Уже в XI столетии уровень образованности населения в средневековом Китае был довольно высок (20–30%), значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. В военных целях использовался порох. Даже производство чугуна базировалось на передовой технологии (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии лишь 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. В Китае существовали разветвленная транспортная сеть и развитая финансовая система. К XIV в. в стране имелись многие предпосылки промышленной революции, которая происходила в Англии в конце XVIII в. Это была, как полагают исследователи, относительно развитая рыночная экономика, формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии

произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, благодаря чему могли существовать гигантские города с многомиллионным населением.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза традиционному мировоззрению и культуре*, а также с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах и многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI века, глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. С тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого Османами исламского мира, последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволило им расширить свое присутствие в Америке, Азии и Африке.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой периферии и полупериферии? Конкретный ответ на этот вопрос в значительной мере зависит от того, удастся ли незападным странам, приспособившись к нынешней, скроенной по американским лекалам, вестернизации, выработать собственные национально-государственные формы глобальных стратегий.

Национальные формы глобальных стратегий

Обсуждая этот вопрос, многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными

---

* Самый впечатляющий пример — добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями отказ Китая на долгое время после 1433 г. от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин.

мерами — со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях научно-технического прогресса либо с формированием правовой базы глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса или, например, с сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предположения носят утопический характер, зато национальные формы глобальных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО) и других институтов международного неолиберализма, вполне реальны. Взамен предлагается признать приоритет национальных интересов, модернизацию экономики, опирающуюся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих — западных и национальных — форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными — от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они осуществили технологическую революцию⁹.

По такому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Их успехи в долгосрочной перспективе оказались не столь значительны в сравнении с Китаем, который начал осваивать хозяйственные и технологические системы Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты ... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»¹⁰.

Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, в то же время отстаивая в ходе обсуждения условий собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут стать орудием для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 гг.: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост; в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются.

Таким образом, у китайцев явно есть, чему поучиться, — прежде всего тому, как отстаивать национальные интересы. Для руководства этой страны поиск более выгодных условий на международном рынке менее важен, чем участие в создании правил игры на этом рынке. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В ре-

зультате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что в 2010 году Китай по уровню ежегодного привлечения ПИИ обогнал США. Правда, за 2012 год приток прямых иностранных инвестиций составил \$111,72 млрд, что на 3,7% меньше, чем в предыдущем году. Это первое сокращение показателя за три года. И тем не менее? объем ПИИ в Китай остается весьма значительным.

Секрет успеха кроется в сохранении роли государства в экономике, которая особенно возрастает в современных условиях, характеризующихся нестабильностью финансового капитала и колебаниями мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана с государствами Юго-Восточной Азии, оказавшимися в кризисе. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате получилось, что лидеры модернизации — «азиатские тигры» — оказались менее привлекательными партнерами для мировых транснациональных корпорации (ТНК), а Китай, напротив, интересен, именно вследствие своей недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на «китаизацию» продукции, что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвастаться другие страны полупериферии. Зато в 2013 году вектор потока ППИ сместился из Китая в Малайзию и Сингапур.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель модернизации. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью.

Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е годы к отказу от системы контроля над импортом, над притоком иностранного капитала и к отказу от ограничения (либерализации) деятельности ТНК. Индийские лидеры того вре-

мени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае, благодаря политике регулируемого государством рынка, развитие экономики само привлекало внешний капитал. В результате в 1980–1990-е годы уровень экономического развития Индии изменился мало. ПИИ не оправдали надежд, рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справляться с проблемой массовой нищеты, тяжелым грузом висящей на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причем не только наиболее обездоленных слоев, но и в целом бедной части населения.

Стоит упомянуть, что в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателя Китая в 9,1%, Индия с тех пор постоянно замедляет развитие. В 2010 г. темпы роста снизились до 8,8%, в 2011 — до 7,1%, а прогноз на 2013 г. ведущих мировых рейтинговых агентств оказался ниже 6%. Standard and Poor's, например, снизило прогнозные оценки темпов экономического роста Индии в 2013 г. с 6,5% до 5,5%. Индия не только не сумела обогнать по этому показателю Китай, она снова отстает от него более чем на 3%. А поскольку по показателям ВВП на душу населения Индия уступает КНР больше, чем в два раза, замедление экономического роста становится для Индии капитальной проблемой.

В то же время глобализация не принесла Индии серьезных социально-политических потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. В индийском обществе преобладает мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами. Глобализация не рассматривается как одномерный процесс, считается, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечают многие исследователи, в Индии есть согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка, в результате чего позиции национального капитала продолжали укрепляться.

Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России, реформы шли без скачков и разрушений. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, а разумное сосредоточение на собственных проблемах, некоторые из которых удалось успешно решить. Все это свидетельствует об оригинальности индийской национальной стратегии модернизации.

Другие страны, скорее, приспосабливаются к процессу глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это получается успешно, в частности, у аравийских монархий, у других — например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары — не получается совсем. Причины этого — в меньшей степени — связаны с национально-культурными особенностями, в большей — с тем, что ресурсы этих государств востребованы глобальной экономикой.

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия — Индия — Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются евроатлантической версией глобализации. Все три государства выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Так или иначе, и перед Россией, и перед Индией, и Китаем, и перед другими странами стоит задача освобождения из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий. Основой таких стратегий способны стать отказ от неолиберальных догм, укрепление суверенитета и роли государства как инструментов решения глобальных проблем.

Сможет ли Россия создать альтернативную модель модернизации на собственной цивилизационной основе? Учитывая, что в течение последних столетий Россия несколько раз утрачивала цивилизационную идентичность, до этого еще далеко. Не радует и политика руководства страны в области модернизации экономики, развития науки и образования. Сравнение с тем же Китаем явно не в пользу России. По разным данным расходы на науку в Китае в течение десяти лет подряд стабильно росли примерно

на 20 % ежегодно. Результаты этих усилий отражаются в стремительном росте таких ключевых показателей, как доля ВВП, выделяемая на науку и образование, число выпускников высших учебных заведений и производство наукоемкой продукции. Никаких признаков замедления роста пока не наблюдается. Китай уже догнал США по количеству научных работников: в обеих странах сегодня работают почти по 1,5 млн ученых. Примерно столько же — во всех государствах Евросоюза. Быстро увеличивается число ученых во многих других восточноазиатских странах, особенно в Южной Корее, Тайване и Сингапуре¹¹.

В России, напротив, наблюдается сокращение количества ученых. Как отмечает академик Рогов, занятость в научном секторе в России в 1992–2011 гг. уменьшилась в 2,5 раза — с 1943 тыс. человек до 735 тыс., а количество исследователей — почти в 3 раза (с 992 тыс. человек до 374 тыс.). И процесс сокращения занятых научными исследованиями и разработками продолжается¹². В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9%, а в России снижается на 2%. Расходы на научно-техническое развитие остаются на прежнем, явно недостаточном уровне. Восстановление и эффективное использование человеческого потенциала России, широкомасштабные инвестиции не столько в добывающую промышленность, сколько в современные технологии, науку и образование — чрезвычайно актуальные задачи для страны.

Примечания

- ¹ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. 2005. С. 407.
- ² Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М. 2002. С. 65, 66, 248, 250.
- ³ Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 27, 31–33.
- ⁴ Казютинский В.В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. № 7. С. 93–94
- ⁵ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М. 2004. С. 19.